

Редакционная группа

Постепенно, благодаря своей энергии и талантам, Аджубей стал играть все более заметную роль в «редакционной» группе при Хрущеве.

Редакционная группа не сочиняла за отца речи и выступления. «Речеписцев» отец при себе не держал. Он сам диктовал доклады, сам расставлял акценты, сам делал выводы и заключения. Редакционной группе оставалось, в меру своих литературных талантов, «приглядывать» надиктованный текст да рассыпать по нему цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Сам писал выступления не только отец. Его предшественники и современники, все серьезные политики первой половины и середины XX века, как правило, авторы своих выступлений. С тех пор многое переменилось, в новые времена даже весьма уважаемые мировые лидеры выступают «под фонограмму». К спичрайтерам давно привыкли.

Конечно, речь тут не идет о протокольных выступлениях, их под наблюдением мидовских чиновников писали прикомандированные журналисты. Отец и относился к ним соответственно. Выступая за рубежом, он, экономя свое и чужое, время, произносил первые фразы заготовленного текста, затем переводчик зачитывал на иностранном языке речь целиком. В заключение отец благодарил аудиторию за внимание.

А вот отчетные доклады съездам партии писались коллективно. Сначала отделы ЦК и Совета Министров, Госплан, при необходимости и другие ведомства представляли справки, писали заготовки отдельных разделов. Отец их внимательно изучал, запрашивал дополнительные цифры, надиктовывал свои соображения, сводил все воедино. В результате появлялся черновой вариант доклада. Его отправляли на апробацию в отделы ЦК, рассылали секретарям и членам Президиума ЦК. Их замечания отец принимал, или не принимал, диктовал и передиктовывал вставки и целые разделы. Вторую и третью редакцию текста последовательно рассылали по тем же адресам, получали и учитывали новые замечания. Потом следовало утверждение текста, сначала на Президиуме, а затем на Пленуме ЦК. Утвержденный текст отчетного доклада ЦК отец зачитывал на съезде. Чтение занимало много часов, физически изматывало отца. Но такова традиция. Отец однажды попытался ее поломать, предложил раздать делегатам заранее отпечатанный текст отчетного доклада XXII съезду партии, сэкономить таким образом их время и собственные силы, но, не встретив поддержки, традицию нарушать не стал.

В написании заготовок для докладов съезду, подготовке справок, наравне с другими участвовал и молодой сотрудник Международного отдела ЦК Федор Бурлацкий. Впоследствии, безо всяких на то оснований, он начал называть себя «спичрайтером» и даже помощником отца. Я совсем не хочу обидеть Федора Михайловича, он человек небесталанный, но, по-видимому, склонный выдавать свои фантазии за реальность. Бурлацкий по своим качествам, наверное, мог стать помощником. Мог, но не стал. Отец о его существовании вряд ли подозревал. В кабинет отца он вхож не был, пару раз в поездках находился при Андропове, в свою очередь сопровождавшем Хрущева. В работе редакционной группы Бурлацкий выполнял отдельные поручения: отредактировать второстепенный документ, написать протоколно-формальную вставку и т. п.

Возвращаясь к редакционной группе, скажу, что ее роль не следует преувеличивать, но нельзя и преуменьшать. Ее члены постоянно общались с отцом, высказывали ему свои мнения, их предложения принимались или отвергались, отец к ним прислушивался. К ним стекались предложения и замечания от отделов ЦК и даже от членов Президиума. Они их сортировали, обобщали, а затем докладывали отцу. Так что влиять на отца в какой-то степени могли, но теневым кабинетом редакционная группа не стала, хотя в то время ее так называли многие. Отец не нуждался в параллельной неформальной структуре власти. Его вполне устраивал Совет Министров. Отец справедливо считал, что теневые властные структуры приводят к склокам, не помогают, а только усложняют управление.

Отец держал минимум помощников: старшего, ответственного за самые важные бумаги, «боярина» Григория Трофимовича Шуйского, так отец прозвал его за созвучность фамилии, либерала-идеолога Владимира Семеновича Лебедева, агронома-практика, преданного одновременно и отцу, и Лысенко Андрея Степановича Шевченко и, наконец, свободно говорящего по-английски, знатока международных хитростей и дипломатических уловок, всегда невозмутимо-благожелательного Олега Александровича Трояновского. Своим помощникам отец не позволял выходить за должностные рамки, да они и не претендовали на роль советников, хотя, конечно, высказывали свои суждения, возражали отцу, если он, по их разумению, поступал как-то не так. Однако сама приближенность к первому лицу делала их весьма и весьма влиятельными.

Готовить особо ответственные документы или важные выступления отец предпочитал подальше от московской суеты, уезжал дней на десять в Крым или в Пицунду. С собой он забирал не только помощников, но и редакционную группу, стенографисток, машинисток, весь штат. По мере надобности и в зависимости от специфики вопроса, из Москвы вызывали специалистов: дипломатов, или аграриев, или энергетиков. С утра отец обычно диктовал, потом, пока шла расшифровка, распечатка, редактирование, занимался рутинными делами, читал почту, если возникала необходимость – перезванивал в Москву. После обеда обсуждали наработанное утром. Отец выслушивал замечания, вносил изменения, заново диктовал. К тому времени из Москвы фельдъегери доставляли свежую почту, газеты. Их разбору отец посвящал вечерние часы и, разделавшись с бумагами, уходил на прогулку перед сном.